

УДК 303.09
DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-10-92-98

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НОРМАТИВНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

POLITICAL NORMATIVITY AND POLITICAL OBLIGATIONS

А. А. Шевченко, Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
shev@philosophy.nsc.ru

A. Shevchenko, Institute of Philosophy and Law, SB RAS, Novosibirsk

Проанализировано теоретическое содержание феномена политической нормативности в сопоставлении с моральной нормативностью. Рассмотрены основные аргументы сторонников политического реализма в пользу трактовки политической нормативности как нормативности особого типа, не редуцируемой к моральной. В общем виде такая аргументация основывается на представлениях о существовании неустранимых политических разногласий в современном демократическом обществе и отсутствии универсальных способов и процедур их разрешения. Конструктивистский подход к разрешению политических разногласий предполагает выход из зоны морально универсального в зону политически приемлемого, достижение компромиссов между политическими субъектами разных уровней. Политическая нормативность, таким образом, требует учета не только общих принципов, но и общего политического содержания, объединяющего членов политического сообщества.

Показано, что определение сферы «политически должного» помимо общих стратегий легитимации нормативного политического порядка с необходимостью включает и ряд ключевых концептов, одним из которых является понятие «политическое обязательство». Описана специфика политических обязательств как традиционно соединяющих пространства морального и легального, обоснована недостаточность «ассоциативных» подходов к трактовке политических обязательств, а также необходимость сохранения добровольности и осознанности при их принятии. При этом важным компонентом подлинной политической нормативности является правильно понятая политическая субъектность как индивидуальная, так и коллективная. Если для первой в число ключевых требований входят способность к рефлексии и осознанному выбору, то для коллективной субъектности необходимо понимание разрывов между требованиями индивидуальной и коллективной рациональности и способность к коллективному действию

Ключевые слова: нормативность; политические обязательства; ассоциативные обязательства; рациональность; политический реализм; политический консенсус; политическая лояльность; конструктивизм; политическая субъектность; коллективное действие

The paper presents a theoretical analysis of political normativity in comparison to moral normativity. It reviews the main arguments of the proponents of political realism who consider political normativity to be a distinctive kind of normativity, non-reducible to moral normativity. In general, such argumentation relies on the presuppositions about the existence of irreducible political disagreements and procedures of their resolution. The constructivist approach to handling political disagreements involves leaving the zone of the morally universal and working with the politically acceptable, reaching compromises between political subjects of various levels. Thus, political normativity requires taking into account not only general principles but the general political content, which would unite the members of the political community.

The paper shows that defining the sphere of the politically normative requires not only general legitimization strategies of the existing political order but also a number of key “thick” concepts one of which is the concept of political obligation. It also describes the main feature of political obligation as a bridge between the spheres of morality and legality and identifies the shortcomings of treating political obligations as associative. Finally, the paper argues for the need to preserve voluntary involvement and reflexive acceptance of obligations by political subjects. Political subjectivity, both individual and collective, is an essential component of political normativity.

Individual political subjectivity requires the capacity for reflexive judgement and individual choice. Collective political subjectivity presupposes understanding of the gaps between the requirements of individual and collective rationality and the capacity for collective action

Key words: *normativity; political obligations; associative obligations; rationality; political realism; political consensus; political loyalty; constructivism; political subjectivity; collective action*

Ведение. Актуальность исследования обусловлена как общетеоретической значимостью проблемы соотношения политики и морали, так и происходящим в последнее время «умножением нормативностей», разных теоретических способов понимания «должного». Обычно, когда говорят о нормативности поведения, имеют в виду «должное» поведение, которое по определению отличается от наличного, фактического, «сущего». Дискурс нормативности традиционно связан с моральной нормативностью. Эта проблематика изначально рассматривалась в моральных рамках, где уже сложился ряд широко обсуждаемых тем. Среди них и проблема «источников нормативности», и вопрос о соотношении нормативности и рациональности, и, конечно, проблема перехода от сущего кциальному, обычно обозначаемая как «проблема Юма». Но в последнее время философы начинают обсуждать все новые виды нормативности. В самом общем виде это инструментальная нормативность, но, кроме того, появился ряд трудов, посвященных «частным» нормативностям, например эпистемической. Утверждения типа: «Ты должен мне поверить», «В этом невозможно сомневаться», «Этого невозможно не знать» и т. п. выдвинули на первый план вопросы о возможности волевого контроля над нашими верованиями и убеждениями, проблему так называемого «доксастического волонтеризма».

Не менее острые споры ведутся о законности и специфике понятия «политическая нормативность». Стандартное противостояние наблюдается между «политическими моралистами» (термин Б. Уильямса) – теми, кто, с одной стороны, считает политическую нормативность разновидностью моральной, а моральные рамки – некоторыми ограничителями для политически «должного» и «возможного», и сторонниками «политического реализма», причем он понимается не как привычная “Realpolitik”, оправдывающая сомнительные средства ради достижения по-

литических целей, а именно как утверждение о существовании некоторой особой политической реальности, требующей специфического обоснования и легитимации, в том числе в модальности «должного». Обсуждение политической нормативности важно потому, что позволяет задавать теоретические рамки для социально-политических и социально-философских проектов и концепций, лучше понимать зоны как «должного», так и «возможного», а также основания для такой демаркации.

Цель исследования – анализ основных аргументов в пользу трактовки политической нормативности как нормативности отдельного вида и предложение варианта интерпретации политической нормативности, которая основалась бы на понятии «политическое обязательство». Задачи исследования – проанализировать типовые политические обязательства, показать, что они представляют собой связующее звено между нормативностью моральной и правовой и вполне могут трактоваться как содержательное выражение политической нормативности.

Методология исследования. При исследовании политической нормативности прежде всего возникает проблема различия нормативностей разных видов. Традиционно такая демаркация требует использования связанного понятия «рациональность». Рациональная философская реконструкция мотивов поведения субъектов морали и политики позволяет зафиксировать свойства и различия моральной и политической нормативности. Кроме того, специфика исследования сферы политического требует рационально реконструировать способы легитимации политического порядка и выявить механизмы создания консенсуса относительно «зоны должного», который принимается членами политического сообщества с различными ценностными картинами мира. Определение такой «зоны нормативности» включает использование как общих стратег-

гий легитимации, таких как критика и обоснование, так и работу с отдельными ключевыми блоками, в которых выражается «политически должно». В данной статье мы сосредоточимся на концептуальном анализе понятия «политическое обязательство», которое может служить основой для обсуждения природы политической нормативности.

Результаты исследования и их обсуждение. Среди множества попыток найти определяющий атрибут человека после «человека разумного» наиболее известно, вероятно, аристотелевское понимание человека как «животного политического». Думается, что еще одной уникальной отличительной характеристикой может служить атрибут «нормативный». Нормативность понимается как человеческая способность оценивать как собственное поведение, так и поведение других людей с точки зрения его «правильности» или «неправильности», используя принятые в обществе шаблоны или стандарты. Как отмечает один из ведущих современных этиков К. Корсгаард, другим животным окружающий мир дан сразу как «нормативно интерпретированный», т. е. на фактичность автоматически наложены интересы этого животного. Например, животное воспринимает не просто другое животное, а «другое-животное-как-пищу» или «другое-животное-как-угрозу», или как потенциального партнера и т. д. Такие готовые нормативно «нагруженные» интерпретации и служат основаниями для действия [7]. Человек же обладает определенной свободой и может осознанно принимать или не принимать те или иные причины как основания для своего поведения, одновременно оценивая их как «должные» или «не должны».

Сторонники политического реализма [10] опираются на ряд основных аргументов в пользу выделения политической нормативности как особого типа. В статье «Существует ли отдельная политическая нормативность» [8] авторы воспроизводят пять таких аргументов, сопровождая их довольно подробной критикой и пытаясь защитить идею о том, что политическую нормативность все же можно удержать в зоне морального. Такая защита выстраивается на поиске возможных контрпримеров и введении частных фактических допущений, и в этой связи не кажется убедительной. Такая редукция политического к моральному не только не отражает

ет процессов, происходящих в современной мировой политике и ее осмыслиении, но и эвристически неинтересна.

Однако воспользуемся качественной реконструкцией исходной аргументации и кратко рассмотрим доводы. Первый из них состоит в том, что никакой общий и абстрактный моральный стандарт или согласие по поводу этого стандарта недостаточны для легитимации конкретного политического устройства, так как в основании согласия граждан по поводу общего политического порядка, во всяком случае в его современном понимании, лежит не какая-то общая ценностная картина мира и не согласие по поводу одного или нескольких моральных принципов, которые объединили бы людей. Политические разногласия – это не просто разногласия о моральных нормах, идеологических оценках или интерпретациях. Главное здесь то, каким образом эти убеждения оправдывают существование и использование политической власти. Отсюда политические реалисты делают вывод о том, что даже если моральный принцип разумен или хорош, его может оказаться недостаточно для того, чтобы использовать как основание для политического устройства, например, в тех случаях, когда в его отношении в обществе имеются разногласия.

Второй аргумент утверждает, что в случае моральных разногласий их разрешение в рамках морали методологически невозможно. Если возникает тупик, то для выхода из него необходима помощь извне. В данном случае со стороны политики, которая нужна как раз для разрешения моральных споров. Люди, живущие в одном политическом сообществе, неизбежно столкнутся с моральными разногласиями. Если бы мораль могла их урегулировать, то политика стала бы не нужна. Таким образом, по мнению политических реалистов, неверно понимать политику как некую сферу, ограниченную моральными рамками. Напротив, она возникает как отдельный феномен, предназначенный регулировать и передвигать сами границы морального пространства. Показателен в данном контексте переход Дж. Ролза к трактовке справедливости как добродетели политической, а не метафизической [9].

Третий аргумент в пользу политической нормативности как особого вида указывает на разные «метанормативные» статусы мо-

рали и политики. Предполагается, что политические разногласия не могут решаться какими-либо общими универсальными способами или алгоритмами, на что часто претендует мораль. Разрешение политических конфликтов – это всегда конструктивистская процедура, творчески выполняемая конкретными политическими участниками в конкретных исторических обстоятельствах. Конечно, здесь можно ответить, что конструктивизм широко используется и в моральной теории, однако, если иметь в виду классические этические теории, то возражать сложно.

Четвертый аргумент акцентирует внимание на содержательных нормативных различиях в области политики и морали. Отмечается, что политика по своему нормативному содержанию больше тяготеет к консеквенциализму, чем сфера индивидуальной морали и, вследствие этого, политические добродетели могут отличаться от добродетелей моральных. Так, например, политическая может включать такие частные добродетели, как обман и ложь, в то же время многие привычные нам моральные, например, скромность и щедрость, не могут считаться политическими добродетелями.

Пятый аргумент о приоритетности политики. Политическому здесь устанавливается более высокий приоритет, так как основными целями политики являются обеспечение самого существования политического сообщества, защита его границ, установление внутреннего порядка и т. д.

Все эти соображения можно рассматривать как относительно связную систему аргументации. Их можно критиковать как вместе, так и по отдельности, но возникает опасность того, что их радикальность неизбежно приводит к выхолащиванию специфики политического и всего связанного с этим концептуальным и политическим пространством. В таком случае теряют смысл такие понятия как «политическая нормативность», «политический консенсус», политическая рациональность», «политическая легитимация» и т. д. Лишая сферу политического содержательной и процедурной специфики, можно оказаться заложником не убедительной в современном мире парадигмы, в которой мораль диктует все ограничения как на зону возможного, так и на зону должного в политике. Такая картина стала особенно сомнительной после целого ряда «поворотов» и «революций» в по-

литической теории последних десятилетий, которые продемонстрировали богатство и разнообразие того, что может считаться политическим, показали важность политической субъектности, ее вариативность, изменчивость и т. п.

Если говорить о «наполнении» нормативно должного в политике, то одним из таких важнейших элементов являются обязательства людей как перед государством, так и друг перед другом как членов политического сообщества. Специфика этих обязательств состоит в том, что они занимают промежуточное положение между обязательствами политическими и правовыми. Необходимость соблюдения правовых обязательств – в первую очередь законов, обычно не спорима, это тот необходимый каркас, который обеспечивает сохранение и функционирование политических институтов.

В более общем виде политические обязательства понимаются как обязательства поддерживать существующие политические структуры, по сути, обязательства лояльности. Существует и другой, скорее максималистский подход, согласно которому политическая нормативность, выраженная в виде обязательств, требует не ограничиваться лишь соблюдением законов, но проявлять «позитивную» политическую субъектность, осуществляя действия, способствующие сохранению и укреплению политических институтов или реализации политических свобод. В любом случае такие обязательства стандартно трактуются как разновидность моральных. При этом от политических обязательств нельзя отказаться по собственной воле, а нужно либо убедить государство в своей правоте, либо, в случае неудачи, следовать его законам: «Надо либо его переубедить, либо исполнять то, что оно велит, а если оно приговорит к чему-нибудь, то нужно терпеть невозмутимо, – будут ли то побои или оковы, пошлет ли оно на войну, на раны и на смерть; все это нужно выполнять, ибо в этом справедливость. Нельзя отступать, уклоняться или бросать свое место в строю. И на войне, и на суде, и повсюду надо исполнять то, что велит Государство и Отечество, или же стараться вразумить их, в чем состоит справедливость» [1].

Как отмечает Б. Капустин, нормативность важна как способ обоснования политических обязательств, а если говорить о

содержательной основе, то в качестве такой естественнее всего понимать справедливость. «Как далеко простираются мои политические обязательства, при каких условиях они приостанавливаются – все это важнейшие вопросы политической жизни (и потому – ключевые темы политической философии). Но если мы рассматриваем именно политическую жизнь, то ответы на них могут быть даны только в категориях должного и недолжного, справедливого и несправедливого, а не выгодного и невыгодного или желаемого и нежелаемого, т. е. не с точки зрения фактическости и случайности моего существования» [1]. Хотя данное высказывание вряд ли позволяет однозначно идентифицировать автора как «политического реалиста» в упомянутом смысле, важно указание на то, что на первом плане находится нормативное обоснование политического поведения через политические обязательства.

На чем же основано такое обязательство? Одна из наиболее распространенных точек зрения гласит, что в основе политических обязательств лежит добровольное согласие членов политического сообщества, выраженное как явно, так и неявно. Если с явным согласием все относительно понятно (таковым можно считать, например, участие в политических партиях, выборах в органы власти и т. д.), то зафиксировать неявное согласие гораздо труднее. Например, Сократ в качестве такого неявного согласия приводил факт своего постоянного проживания на территории полиса.

Проблема состоит в том, можно ли считать такое согласие добровольным и осознанным. Тот факт, что гражданин не покидает государство, продолжает жить на его территории, соблюдая законы, может свидетельствовать не о сознательной политической позиции, а о шаблонном или традиционном поведении. Кроме того, возможна ситуация, когда человек осознает, что, оставаясь на территории государства и соблюдая законы, он тем самым выражает неявное согласие, добровольно принимая на себя политические обязательства (в их первоначальном смысле – соблюдать законы государства независимо от их содержания). Однако такое согласие может быть не результатом сознательного принятия нормативноальной политической позиции, а проявлением страха перемен или осознанием того, что смена по-

литической принадлежности связана с высокими издержками.

Можно сказать, что подлинное согласие с политически «должным» гражданин выражает тогда, когда он не просто пассивно проживает на определенной территории, а проявляет активную политическую субъектность, участвуя в политической жизни, например, вступая или меняя политические партии, голосуя на выборах или явно заявляя о своих политических пристрастиях. Однако такое участие все же правильнее считать «явным», на что готов далеко не каждый. Проблемы с интерпретацией неявного согласия с существующим нормативным политическим порядком остаются. Можно попробовать обратиться к процедурным решениям, популярным в последние десятилетия в философских концепциях справедливости. Различным образом участвуя в общепринятых политических процессах и процедурах, мы подтверждаем свое согласие с существующим, не заявляя претензий на какое-то другое «должное». Таким образом мы, как часть процедуры, автоматически принимаем на себя основные политические обязательства (в общем случае – это обязательство политической лояльности).

Можно попытаться принять такую трактовку политических обязательств, которая не требовала бы добровольного согласия. Однако это связано с высокими издержками. Прежде всего, такое автоматическое включение в «ассоциацию» не предполагает каких-либо процедур рефлексии или убеждения и не является осознанным и добровольным [3]. Подробный анализ самого подхода описан Дж. Хортоном [5; 6]. Кроме того, при таком подходе у человека с рождения появляется пакет прав и обязательств, повлиять на который уже практически невозможно. Любопытна здесь аналогия между возникновением политического обязательства и рождением ребенка в результате насилия над женщиной. Хотя ребенок появляется на свет без предварительного согласия женщины, у матери возникают обязательства ответственности перед ребенком в силу особой связи между ними [4].

Какие теоретические средства можно использовать из богатого арсенала политической философии и политической теории для того, чтобы сохранить добровольность и осознанность при принятии политическими субъектами политических обязательств? В

первую очередь, это почтенная и обретшая второе дыхание общественно-договорная традиция, в рамках которой люди могут пересматривать условия общественного договора в случае злоупотреблений со стороны государства. Здесь можно вспомнить вариант общественного договора Дж. Локка.

Во-вторых, можно обратиться к концепциям гражданского неповиновения, когда граждане имеют возможность продемонстрировать явное несогласие с условиями действующего общественного договора и сложить с себя (временно или постоянно) часть взятых на себя обязательств. Наконец, можно вспомнить и теории революции, где под носителем политических обязательств может пониматься коллективный субъект политики, такой как политический класс, например. Названные стратегии можно трактовать как последовательную радикализацию поведения политических субъектов. В первом случае это протест как подготовка к выходу из общественного договора или изменению его условий, в случае гражданского неповиновения – это уже неисполнение законов в попытке обратить внимание на их несправедливость, в случае революции – полный отказ от существующих политических обязательств по причине тотальной несправедливости общественных отношений. Во всех названных

случаях центральный вопрос таков: какие условия, которые дают моральные основания субъекту снимать с себя политические обязательства?

Заключение. Итак, представляется, что в пользу понимания политической нормативности как особого вида «должного», не сводимого к моральноциальному, есть вполне убедительные основания. При этом задача рационального обоснования политических обязательств требует возвращения к идее добровольного согласия, хотя бы гипотетического, так как политические обязательства не возникают автоматически, вследствие принадлежности к группе или сообществу. Конечно, такие обязательства можно наложить, но вряд ли они могут быть прочными и взаимовыгодными для всех участников политической жизни – как государства, так и индивидуальных и коллективных субъектов политики. Причем для индивидуальных политических субъектов способность к рефлексии, осознанному принятию на себя политических обязательств особенно важна. Подлинным политическим субъектом, способным стать равным партнером государству, может быть только тот, кто, говоря словами Г. Торо, способен «проследить последствия своего повиновения».

Список литературы

1. Капустин Б. Г. Что такое «политическая философия»? // Полис. Политические исследования. 1996. № 6. С. 83–96.
2. Платон. Сочинения в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1968. 621 с.
3. Dworkin R. Law's empire. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 484 p.
4. Hirschmann N. Rethinking obligation: a feminist method for political theory. Ithaca: Cornell University Press, 1992. 384 p.
5. Horton J. In defence of associative political obligations: part 1 // Political Studies. 2006. Vol. 54. P. 427–443.
6. Horton J. In defence of associative political obligations: part 2 // Political Studies. 2007. Vol. 55. P. 1–19.
7. Korsgaard Ch. The constitution of agency. Oxford: Oxford University Press, 2008. 368 p.
8. Maynard J. L., Worsnip A. Is There a Distinctively Political Normativity? // Ethics. 2018. No. 4. P. 756–787.
9. Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press. 2005. 525 p.
10. Williams B. In the beginning was the deed: realism and moralism in political argument. Princeton: Princeton University Press, 2005. 197 p.

References

1. Kapustin B. G. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Policy. Political research), 1996, no. 6, pp. 83–96.
2. Platon. *Sochineniya. v 3 t. T. 1* (Platon. Collected works in 3 vol. Vol. 1). Moscow: Thought, 1968. 621 p.
3. Dworkin R. *Law's empire* (Dworkin R. Law's empire). Cambridge: Harvard University Press, 1986. 484 p.

4. Hirschmann N. *Rethinking obligation: a feminist method for political theory* (Rethinking obligation: a feminist method for political theory). Ithaca: Cornell University Press, 1992. 384 p.
5. Horton J. *Political Studies* (Political Studies), 2006, vol. 54, pp. 427–443.
6. Horton J. *Political Studies* (Political Studies), 2007, vol. 55, pp. 1–19.
7. Korsgaard Ch. *The constitution of agency* (The constitution of agency). Oxford: Oxford University Press, 2008. 368 p.
8. Maynard J. L., Worsnip A. *Ethics* (Ethics), 2018, no. 4, pp. 756–787.
9. Rawls J. *Political Liberalism* (Political Liberalism). New York: Columbia University Press, 2005. 525 p.
10. Williams B. *In the beginning was the deed: realism and moralism in political argument* (In the beginning was the deed: realism and moralism in political argument). Princeton: Princeton University Press, 2005. 197 p.

Коротко об авторе**Briefly about the author**

Шевченко Александр Анатольевич, д-р филос. наук, вед. науч. сотрудник, Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск, Россия. Область научных интересов: этика, философия политики, концепции справедливости, теории нормативности, теории рациональности
shev@philosophy.nsc.ru

Aleksandr Shevchenko, doctor of philosophy, leading researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia. Sphere of scientific interests: ethics, philosophy of politics, concepts of justice, theory of normativity, theory of rationality

Образец цитирования

Шевченко А. А. Политическая нормативность и политические обязательства // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25, № 10. С. 92–98. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-10-92-98.

Shevchenko A. Political normativity and political obligations // Transbaikal State University Journal, 2019, vol. 25, no. 10, pp. 92–98. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-10-92-98.

Статья поступила в редакцию: 12.09.2019 г.

Статья принята к публикации: 12.12.2019 г.